

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.24>

Ковалев Дмитрий Викторович, Тяпин Игорь Никифорович

Проблема технизации сознания в философской мысли: истоки и результаты

Статья посвящена анализу библиографии проблемы технизации индивидуального и общественного сознания в рамках основных направлений философской мысли Нового и Новейшего времени, в том числе материализма и идеализма, психоанализа, феноменологии, экзистенциализма, постструктурализма, трансгуманизма и др., в контексте ключевых вопросов онтологии и цивилизационной эволюции. Определяется содержание понятия "технизация сознания" и выявляется эволюция процесса философско-теоретического постижения проблемы технизации, начиная от обоснования механистического миропонимания и ценности господства и заканчивая осмыслением широкого спектра направлений и проявлений технизации и раскрытием потенциала технизации различных сфер, уровней и форм сознания и психики. Делаются выводы о доминировании в библиографии проблемы тенденций корреляции процессов технизации и ценностной релятивизации, фаталистической констатации их неизбежности, рассмотрения в качестве смоделированного объекта сознания абстрактного усредненного индивида.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 119-124. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия науки и техники

Philosophy of Science and Technology

УДК 159.9.01

Дата поступления рукописи: 08.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.24>

Статья посвящена анализу библиографии проблемы технизации индивидуального и общественного сознания в рамках основных направлений философской мысли Нового и Новейшего времени, в том числе материализма и идеализма, психоанализа, феноменологии, экзистенциализма, постструктурализма, трансгуманизма и др., в контексте ключевых вопросов онтологии и цивилизационной эволюции. Определяется содержание понятия «технизация сознания» и выявляется эволюция процесса философско-теоретического постижения проблемы технизации, начиная от обоснования механистического миропонимания и ценности господства и заканчивая осмыслением широкого спектра направлений и проявлений технизации и раскрытием потенциала технизации различных сфер, уровней и форм сознания и психики. Делаются выводы о доминировании в библиографии проблемы тенденций корреляции процессов технизации и ценностной релятивизации, фаталистической констатации их неизбежности, рассмотрения в качестве смоделированного объекта сознания абстрактного усредненного индивида.

Ключевые слова и фразы: история философии; онтология; техносфера; постиндустриальное общество; технизация сознания; искусственный интеллект; ценностная релятивизация; трансформация человека.

Ковалев Дмитрий Викторович

Тяпин Игорь Никифорович, д. филос. н., к.и.н., доцент

Вологодский государственный университет

3482041@mail.ru; i.n.tyapin@mail.ru

Проблема технизации сознания в философской мысли: истоки и результаты

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием техносферы как главного продукта информационно-техногенной цивилизации. Мощь воздействия техносферы на человека в современном мире породила понятие технизации в значении процессов и результатов внедрения техники, технических средств и приемов работы в какую-либо сферу деятельности, а в конечном итоге – втягивания в свою «орбиту» всех сфер культуры, всех сторон бытия человека и аспектов его жизнедеятельности, приводящего к культурологическим и социологическим изменениям. При этом само данное понятие употребляется не столь часто, а процессы технизации, несмотря на их очевидность и открытость, могут в некоторых случаях игнорироваться или неверно трактоваться, принимаясь за естественный и абсолютно неизбежный ход развития цивилизации. В ходе технизации, «ядром» которой выступает технизация сознания, происходит довольно быстрая смена образа жизни и мыслей, менталитета, привычек и отношения к базовым ценностям. Технизация сознания означает не просто внедрение технических элементов в процедуры его выражения и передачи, а подчинение его техническим нормам и алгоритмам.

Методология исследования. Анализ и осмысление процессов технизации наталкивается на классическую проблему соотношения объект-субъектных характеристик сознания. Последняя заключается в том, что исследователь-субъект изучает объект в рамках все того же сознания. Нет возможности выйти за рамки сознания и посмотреть на объект со стороны. Частично выйти из положения, развести сознание-объект от сознания субъекта исследователя можно путем фиксации процесса трансформации сознания в различных его фазах с различных философских ракурсов. При таком подходе имеют методологическое значение как техницистский и марксистский (диалектико-материалистический) подходы, определяющие главенствующую роль общественного бытия по отношению к сознанию (исследование трансформации сознания в фазе активной индустриализации в западном обществе), так и работы «циклистов» (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.), а также авторов, занимавшихся первобытным менталитетом, мифологемами (так как эти типы сознания присутствуют в современном мире).

Еще одна особенность работы с сознанием как с объектом состоит в том, что наличие категории сознания в философской работе предполагает появление других категорий – бытие, истина, знание, движение, познание, опыт, субъективная реальность и др. – и связей между ними. В ситуации многоаспектности проблемы

технизации сознания это обуславливает необходимость определения его характеристик через обращение к онтологическому наследию мировой философской мысли, что и выступает **целью** данной статьи. **Научная новизна** работы состоит в том, что в ней дана целостная картина состояния библиографии проблемы технизации сознания в контексте истории философии Нового и Новейшего времени и выделен комплекс магистральных направлений ее настоящего и будущего исследования.

Уже в Новое время проблема сознания оказалась в центре ряда философских систем (Р. Декарта, И. Канта, Г. Гегеля), ставящих мышление и рассудок в центр деятельности индивидуального (но при этом восходящего к Абсолютному!) сознания. В результате возникла рассудочно-механистическая модель сознания, основным свойством которой является познание объектов и их трансформация. В крайнем виде это выразилось в феномене механистического сознания как отражения механистической картины мира, отчасти реализовавшемся у Т. Гоббса, Р. Декарта, И. Ньютона, П. Лапласа. Этот тип сознания был присущ узкому научному кругу и не являлся общественным сознанием, остававшимся в значительной мере традиционным.

Теории марксистской направленности говорят о том, что общественное сознание определяется технико-экономическим базисом больших общественных формаций и сложных систем (капитализм, социализм, государство и др.). Предельно «заземлив» категорию сознания (бытие определяет сознание, индивидуальное сознание есть часть и функция общественного), марксизм сосредоточился на предметных связях практической деятельности и материальных интенциях. В целом парадигма исторического материализма адекватна, начиная с эпохи начала индустриализации – исторического периода, на который выпала активная фаза технизации-рационализации общественного сознания, но более ранние его формы в ее рамках, по сути, игнорируются (хотя они и сохранились не только в индустриальную, но и постиндустриальную эпоху).

Взгляд на проблему технизации сознания философов-циклистов прямо иллюстрирует концепция истории О. Шпенглера, основанная на противопоставлении культуры и цивилизации как «становящегося» и «ставшего». Шпенглер говорил о появлении в средневековой Европе нового типа сознания – «фаустовского». «Фаустовский» человек, в отличие от традиционного, постоянно стремится к новым знаниям и освоению пространства, к господству над иным («чужим») [18, с. 490-491]. «Фаустовский» дух с помощью науки неизбежно должен был породить индустриальную цивилизацию с ее сциентистски-техницистским сознанием.

Г. Зиммель утверждал, что жизнь есть исторически и культурно обусловленный поток переживаний, неподвластный рассудочно-механистическому познанию. Понятие «культура» для Зиммеля относится «к более общим по своей сущности, более безличным творениям, которые объективируются на большем расстоянии от субъекта, а потому в некоем “самоотречении” делаются остановками на пути душевного развития» [6, с. 300]. В отношениях между объективной и субъективной культурой, между душой и духом – постоянный разрыв. Феномен массовой культуры сознательно насаждается властвующими элитами с целью отформатировать (технизировать) сознание и сделать массы более послушными.

Э. Гуссерль переосмыслил кантовское представление о «чистом самосознании», способном к выявлению смыслов вещей при условии применения особых процедур. Феноменологическая методология является неперемным условием выявления смыслового содержания сознания, но она не ставит своей целью онтологическое определение системы сознания путем выявления качественной, в том числе нравственно-смысловой нагруженности идей и образов: «Психическое бытие, бытие как “феномен”, принципиально не есть единство, которое познавалось бы индивидуально тождественным во многих отдельных восприятиях, будь то даже восприятия одного и того же субъекта» [4, с. 210]. Согласно Гуссерлю, исходные смыслы человеческой деятельности обрастают различными уровнями сознания (психофизический, социальный, культурный, логический), которые подвержены активной технизации (в отличие от глубинного феноменологического уровня, где есть возможность описания чистого сознания как данности и остается трансцендентальное «Я»).

Представители франкфуртской школы (Г. Маркузе, Э. Фромм, П. Лазарфельд, Ф. Поллок, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас), критически переосмыслив марксизм (стремление человека к собственности невозможно загнать в рамки экономических отношений), отмечали, что сознание современного человека и общества стало слишком безлико, что может являться следствием его технизации. По мнению Г. Маркузе, сама рациональность индустриального общества, которая обуславливает его эффективность и разрастание, может быть расценена как ложное сознание. Данная «рациональность» характеризуется как технологическая, так как именно технологические формы контроля над природой порождают и новые, более действенные формы социального контроля в интересах воспроизводства господства и социальной иерархии [11].

Психоаналитические (З. Фрейд, К.-Г. Юнг и др.) и особенно экзистенциальные теории (М. Хайдеггер, К. Ясперс, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. Маритен, Г. Марсель, П. Тиллих и др., а из представителей русской философской школы – Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, позднее – М. М. Бахтин) в принципе были основаны на критике рационализма и процессов механизации сознания индустриального человека.

Теоретики психоанализа (исходившие из того, что сознание связано с рассудочным Эго, приводящим поведение к нормам общества и анализирующим коллективное бессознательное) вывели некоторые интрасубъективные причины, влияющие на функционирование сознания. В рамках основной предпосылки о том, что психика человека делится сознательную и бессознательную части, при этом сознание не является фундаментом психики, они выделяли «технические процедуры» именно в сфере бессознательного, предложив терапевтическую технику вытеснения травматических влечений и желаний, технику сублимации и т.п., по сути – механизмы воздействия на подсознание и технику социального поведения.

М. Хайдеггер, выступавший не против техники, а против «технизации жизни», показал, что последствия вторжения техники в культуру, духовное бытие многообразны и в отдаленной перспективе даже трудно-предсказуемы, а технологическая предопределенность едва ли не фатальна для человека [16, с. 221-238].

При этом экзистенциалисты, склонные к иррациональности и спонтанности, в трактовке сознания попадают в «сети» технизации, ибо, выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, они понимают его как переживание субъектом своего «бытия-в-мире» – мире техники и технологий (со всеми вытекающими для сознания последствиями). Экзистенция как направленность на другое уже подразумевает технизацию таких интенций.

В СССР близкий к экзистенциализму М. К. Мамардашвили на протяжении долгого периода творчества высказывал идеи о технике «второго вхождения». Мыслитель отмечал: сознание есть дело жизни, «техника», производящая историческую плоть. Человек оказывается в парадоксальной ситуации: он может лишь пережить присутствие сознания, но не распоряжаться им. Однако его подлинная жизнь требует технику второго вхождения в ситуацию, которое открывает историю и порождает ее субъекта [13].

Безусловно, особый интерес для рассматриваемой темы представляют концепции третьей, постиндустриальной, волны развития Западной техногенной цивилизации. Д. Белл, Л. Мамфорд, О. Тоффлер, З. Бжезинский, Е. Масуда и др. провозгласили неизбежность тотальной технизации планеты и необходимости человека приспосабливаться к изменениям, что неизбежно влечет трансформацию сознания.

Функционально-деятельностный подход (Х. Патнэм) и восходящая к бихевиоризму физикалистская концепция (Д. Серл, Д. Армстронг, Д. Прист и др.) решают проблему определения общих для человека как системы функциональных состояний, в большей степени психологического свойства. Так, Д. И. Дубровский определил, что человеческое сознание – функциональная система, организующая себя сама, где процесс самоорганизации – это самопреобразование человека, изменение его познавательных, бытийственных, ценностных и практических интересов, уровней знания и понимания [5]. Семантически термин «физикализм» указывает на тесную связь с физикой, которая выступает стандартом получения объективного знания о мире, является точной наукой, а значит, по-своему «технологична». Еще дальше в осмыслении сознания как технологического акта пошла функционалистика (аналогия с «Машиной Тьюринга»).

М. Маклюэн в рамках своей поп-философии «массмедиа» ясно проводит мысль: новые технологические средства информации и связи радикально изменяют само восприятие мира человеком, его «сенсорный баланс», трансформируют психику и общественную организацию людей [21].

В философии постструктурализма/постмодернизма (Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Делез и др.) тенденция рассматривать сознание в качестве феномена, существующего только в знаковом пространстве, привела к тому, что язык, речь, текст становятся единственными «объектами», выражающими природу сознания, т.е. сущность сознания отождествилась с его формально-вербальным выражением, в результате сознание деонтологизируется и технизруется. Идеология смерти человека и деконструкции метафизики является «брендом» именно этого философского течения. В превратной форме в постмодернистском учении отражаются реальные процессы становления постчеловеческой цивилизации, замены жизненного мира людей информационно-виртуальной реальностью.

Так, Ж. Деррида предлагал технику интерпретации, состоящую из деконструкции и двойного чтения. Эмпиризм Ж. Делёза – учение о самоконституирующемся субъекте, который поступательно и технично создает себя сам, все более усложняясь. Структурализм Р. Барта предполагает технику мышления, для которой характерны две пары понятий: «означающее» – «означаемое» и «синхрония» – «диахрония». «Структуральный человек», по Барту, рассматривает технику оперирования структурой как «особый вид человеческой практики». Ж. Бодрийяр говорил о трансформации общественного сознания и переходе от «сознания модерна» в состояние тотально манипулируемого «сознания постмодерна», для которого характерно существование социума в искусственной гиперреальности, состоящей из симулякров. Истина в сознании человека гиперреальности – уже не абсолют, а один из феноменов, выраженный символом [2, с. 34].

О манипуляции индивидуальным сознанием и его изменением вследствие этого в «фрейдистском» плане размышлял П. Клоссовски. Сознание формируется под влиянием нормативного языка или «языка власти» на подсознательные волевые точки, хранящиеся в глубине психики и являющиеся естественными для человека. В результате воздействия на них первоначальная расстановка этих точек-импульсов меняется, но их хватает на поддержание функционирования жизненных сил для продолжения рода [20, р. 11]. Поэтому необходимо установить истинную иерархию ценностей в психике человека, реабилитировать «личное» перед «всеобщим» посредством ограничения социального и усиления знаково-текстуального воздействия.

Столбовым направлением в разработке темы технизации сознания на рубеже XX–XXI вв. стал трансгуманизм (М. Мор, Н. Бостром, Д. Пирс и др.), восходящий к более ранним концепциям мыслящих машин и технологической сингулярности А. Тьюринга. Дж. фон Неймана, О. Тоффлера, К. Дрекслера, основанный на убеждении о принципиальной возможности киборгизации, т.е. внедрения в организм человека и «подключения» к нервной системе искусственно созданных частей тела и органов, в частности благодаря развитию так называемых «нейросиликоновых» интерфейсов (объединению нервных клеток и электронных устройств в единую систему). Отсюда – распространенные утверждения о неизбежности трансформации общественного сознания в супермозг человечества. Так, В. М. Луговской берет за основу модель муравейника, каждый член которого несет в себе частичку знаний. Человеческий супермозг соединяет в единое целое подсознание всех людей. В эпоху трансгуманизма у супермозга появляются неограниченные возможности, благодаря высоким технологиям вырастает скорость коммуникаций и появляется возможность неограниченного числа вариантов коммуникаций между его отдельными ячейками и сегментами [10, с. 45].

Транс- и постгуманистический «тренд» вызвал неоднозначную реакцию в среде российского философского сообщества.

Так, проблему трансформации сознания в свете концепции трансгуманизма затрагивает П. Н. Барышников, считающий возможным несколько вариантов развертывания процесса. Один из них заключается в том, что синтез

биосферы и техносферы может иметь результатом появление новой мультиагентной формы ноосферы – планетарного сознания, реализующегося за счет активности компьютерных сетей и мгновенного доступа к неограниченным объемам информации. Этот уровень биотехнологического синтеза возможен только в случае наличия прямой связи деятельности мозга и высокоскоростных компьютерных сетей [1, с. 205]. Однако автор предупреждает, что любые трансформации человеческой природы влекут за собой изменения онтологического плана и возможное «переконвертирование» человечества в сверхприродные формы существования [Там же, с. 206].

О радикальной технизации сознания пишет российско-американский автор М. Н. Эпштейн, пророческий, что новое бытие – техносфера с очеловеченными машинами – принципиально изменяет природу личной идентичности, а техноорганизмы, свободные от физического, биологического обличия, совершенно не будут нуждаться в физических контактах, пойдет простое перетекание интеллекта в интеллект. Человек как биовид уходит в прошлое, его место – в «антропопарках, плантациях, заповедниках, натуральных музеях человеческого» [19, с. 64].

С. С. Хоружий такое положение вещей оценивает как эвтаназию человека, предлагая оригинальное философское направление – синергичную антропологию. По его мнению, причудливое соединение практики исихазма и экзистенциализма поможет противостоять процессу роботизации человека и технизации сознания [17, с. 54].

Уместно привести мнение В. А. Лекторского о том, что рациональность в «технократическом» представлении может быть охарактеризована как деятельность в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок. Эта деятельность регулируется определенными нормами и правилами, которые не пересматриваются. Понятая так рациональность при ее использовании может дать определенный эффект, но он будет ограниченным, а в более широкой перспективе – разрушительным [9].

А. А. Зиновьев (один из немногих мыслителей Новейшего времени, рассуждавших о сознании «просто человека», а не «человека познающего», «человека проектирующего», «человека играющего» и т.д.) отмечал, что основа сознания – чувственный и знаковый аппараты (знаки тоже материальны). Следовательно, технизация сознания может происходить именно в знаковом аппарате [15, с. 25].

А. М. Гордус пишет о формировании «технологического этоса» в результате технизации мышления, поведения. Человек уже привыкает относиться к себе технологично (технологии стали заменять естественные формы поведения) [3, с. 34], что порождает новые риски для общества.

Особое место в осмыслении феномена технизации человека и его сознания в отечественной философии принадлежит В. А. Кутырёву. В ряде своих работ данный автор подробно, аналитически показывает, как в истории цивилизации модерна и постмодерна живую мысль сменяет рациональное сознание (реальность стала знанием, знание – реальностью), а его, в свою очередь, вытесняет технизированное, основанное на компьютерной логике мышление-исчисление (постлогоцентризм). Последнее напрямую связывается Кутырёвым с идейной продукцией постмодернизма (конечной целью провозглашенной в постмодернизме деконструкции онто-тео-фоно-фалло-логоцентризма был логос в его связи с телом). Как отмечает российский мыслитель, в эпоху постмодернизма в центре внимания находится *тело*, однако не ради его сохранения и укрепления, а для разложения и трансформации. «Отождествление человеческого тела с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в “сому”, в “плоть” как некий материал для дальнейшего использования при функционировании других систем» [8, с. 281].

Особым направлением в рассмотрении технизации сознания выступает философия виртуальной реальности и искусственного интеллекта (ИИ).

Д. И. Дубровский считает проблему ИИ междисциплинарной. Вопросы, касающиеся искусственного интеллекта, нужно рассматривать в единой связи с информационным обществом и вызываемыми им изменениями в познавательной деятельности, в состояниях массового сознания и в биосоциальной природе человека. Дубровский указывает на самое трудное для объяснения специфическое качество сознания – быть субъективной реальностью. Вследствие неопределенности в этом вопросе фабрикуется некоторый препарат, называемый «сознанием», который очищен от реальных и весьма существенных свойств сознания самого исследователя [5, с. 2].

И. Ф. Михайлов пытается ответить на вопросы: может ли технизация и гипотеза искусственного интеллекта внести вклад в традиционные философские представления о сознании и мышлении и может ли философия с помощью своего собственного, неэмпирического инструментария предложить ответ на вопрос об искусственном интеллекте. Все существующие современные теории сознания данный автор разделяет на субстанционализм и функционализм. В результате он приходит к третьему варианту гипотезы ИИ с условным названием – коммуникативный функционализм. Особенность гипотезы в том, что мозг компьютера и другие естественные и искусственные устройства необходимы актерам для правилосообразного функционирования, но недостаточны для того, чтобы знать, мыслить или сомневаться [12, с. 107].

Д. А. Поспелов рассматривает проблему техники восприятия виртуальных миров сознанием и работы в них. Он выделяет три типа виртуальных миров: 1) повторяющие онтологии частей реального мира (онтологии предметных областей); 2) воспроизводящие онтологии фантастических миров (например, мира волшебной сказки); 3) моделирующие «чистое пространство форм», как это бывает в системах когнитивной графики, – а также дает описание различных техник работы сознания (классическую логику, мифологическое сознание, аксиомы конкретности и др.) [14].

К. И. Зобенко размышляет о важности языковых механизмов для сознания и создания искусственного интеллекта. Язык является значимой категорией в понимании сознания и проблемой в техническом моделировании сознания. Вопрос рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, центральной проблемой которой является изучение отношения в цепочке «разум – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие», а основная задача состоит в объяснении механизма обработки естественного языка, построении модели его

понимания. Языковая часть мозга получает много информации, в том числе и из отделов, ответственных за обработку визуальной информации. Важной частью создания полноценного ИИ будет интеграция этих систем [7].

Таким образом, библиография проблемы технизации сознания имеет предысторию в рамках тематики сущности сознания и явно оформилась в эпоху перехода от классической к неклассической философии в связи со сложностью адаптации к новой технической реальности большинства представителей не только традиционного, но и индустриального обществ, как рефлексия на процессы, происходящие в сфере сознания индустриального человека. В современной социально-гуманитарной мысли доминирующей становится точка зрения о будущем как непреодолимой и полной технизации сознания и социальной жизни при жесткой селекции (что дает импульс для утопий и антиутопий). При этом налицо тенденция рассматривать в качестве смоделированного объекта сознание некоего абстрактного усредненного индивида будущего, игнорируя культурные, цивилизационные и другие аспекты (как будто глобализм уже окончательно восторжествовал), словно бы не допуская существование народов и групп, находящихся на разных ступенях не только технического, но и ценностного развития, а также недоучитывая то обстоятельство, что процесс технизации сознания наложился на обыденное (индивидуальное и массовое) и научное сознание.

Различные авторы в совокупности выявили ряд проявлений технизации сознания: десубъективацию, жесткий внешний детерминизм, символизм и схематизм, стандартизацию, алгоритмизацию, специализацию и др., – при этом раскрыв потенциал технизации различных сфер, уровней и форм сознания и психики – рассудка, инстинктов, рефлексов, чувств и др., а также увязав процессы технизации и ценностной релятивизации. Это позволяет сделать вывод об осознании и признании философским сообществом угрозы реальности видоизменения человека как объекта технических манипуляций, распространения технологического подхода на все сферы жизни: от производства и управления до решения психологических проблем.

В свою очередь, это открывает перспективы комплексного рассмотрения проблемы технизации сознания в единстве ее целей и средств, процессов и результатов. Наиболее важными вопросами здесь представляются: 1) выявление направлений воздействия онтологизированной техногенной среды на условия существования человека и общества; 2) анализ динамики изменений общественного и индивидуального сознания в результате технической детерминации, установление их связей и закономерностей; 3) выделение сторон технизации сознания, связанных с трансформацией языка и ценностей; 4) анализ и осмысление противоречий между логикой функционирования техногенной цивилизации и экспансией технологий и потребностями личности и социума; 5) анализ сущности и взаимосвязи глобальных проблем, напрямую ставших следствием технизации, а также противоречий внутри самой парадигмы технизации и идеологии технократизма; 6) определение объективно возможных и допустимых пределов технизации сознания как основания для разработки *некиборгизированного идеала человека*.

Список источников

1. Барышников П. Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. М.: МБА, 2013. С. 203-228.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2018. 320 с.
3. Гордус А. М. Техника и человеческая экзистенция в современном обществе: дисс. ... к. филос. н. Ростов-на-Дону, 2008. 114 с.
4. Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.
5. Дубровский Д. И. Сознание, мозг и искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
6. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни / сост. С. Я. Левит. Изд-е 2-е. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 392 с.
7. Зобенко К. И. Интроспекция метакогнитивного опыта в «языковых играх» Витгенштейна // Актуальные проблемы философии и социологии. 2017. № 19. С. 36-39.
8. Кутырёв В. А. Бытие или Ничто. СПб.: Алетейя, 2009. 496 с.
9. Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Рациональность и ее границы: материалы Международной научной конференции (г. Москва, сентябрь 2011 г.). М.: ИФ РАН, 2012. С. 216-231.
10. Луговской В. М. Супермозг человечества. М.: Народный пушкинский фонд, 2009. 160 с.
11. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / пер. А. Юдина. М.: АСТ, 2003. 528 с.
12. Михайлов И. Ф. «Искусственный интеллект» как аргумент в споре о сознании // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 32. № 2. С. 107-122.
13. Нижников С. А. Постигание Мамардашвили Часть 2. Символ и сознание в творчестве М. К. Мамардашвили [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/16076620> (дата обращения: 20.10.2019).
14. Поспелов Д. А. История искусственного интеллекта до середины 80-х годов // Новости искусственного интеллекта. 1994. № 4. С. 74-95.
15. Степин В. С. Зиновьев А. А. как ученый и философ // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 22-27.
16. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
17. Хоружий С. С. Синергичная антропология // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 1 (2). С. 54-88.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2-х т. М.: Мысль, 1998. Т. 1. Гештальт и действительность. 663 с.
19. Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук. М.: РИПОЛ классик, 2019. 239 с.
20. Marroni A. Pierre Klossowski. Sessualità, vizio e complotto nella filosofia. Milano: Costa & Nolan, 1999. 192 p.
21. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Cambridge – L.: MIT Press, 1994. 355 p.

Consciousness Technicalization Problem in Philosophical Thought: Origins and Effects

Kovalev Dmitrii Viktorovich

Tyapin Igor' Nikiforovich, Doctor in Philosophy, Ph. D. in History, Associate Professor

Vologda State University

3482041@mail.ru; i.n.tyapin@mail.ru

The article is devoted to analysing the bibliography of the problem of technicalization of individual and public consciousness within the framework of the basic trends of philosophical thought of the Early Modern and Modern Periods including materialism and idealism, psychoanalysis, phenomenology, existentialism, post-structuralism, trans-humanism, etc. in the context of studying the key issues of ontology and civilization evolution. The authors reveal the content of the concept "consciousness technicalization" and trace evolution in philosophical-theoretical understanding of the technicalization problem, from the mechanistic approach where the emphasis is on dominance towards interpreting a wide spectrum of trends and manifestations of technicalization and revealing a potential of technicalization of different spheres, levels and forms of consciousness and psyche. The conclusions are made that the bibliography of the problem basically covers the following issues: tendencies for correlation of technicalization and value relativization processes, fatalistic recognition of their inevitability, considering an average individual as a simulation object of consciousness.

Key words and phrases: history of philosophy; ontology; techno-sphere; post-industrial society; technicalization of consciousness; artificial intellect; value relativization; transformation of human being.

УДК 168:165.12:123.1

Дата поступления рукописи: 19.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.25>

Развитие нейронауки привлекает внимание к проблеме свободы воли человека. Результаты некоторых нейробиологических экспериментов трактуются как подтверждение отсутствия свободы воли у человека; такова, в частности, позиция С. Харриса. Вместе с тем изучение особенностей дискуссий о свободе воли в нейронауке и когнитивных исследованиях, а также проведенный в статье критический анализ аргументов представителей нейронауки, отрицающих на основании экспериментальных данных свободу воли у человека, показали, что данные современной нейронауки и когнитивных исследований не противоречат положению о свободе воли как неотъемлемом качестве субъекта.

Ключевые слова и фразы: субъект; свобода воли; рефлексия; сила воли; бихевиоризм; нейробиология; нейрофилософия; эволюция.

Парнах Александр Максимович

МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

parnakh@gmail.com

Субъект в информационном обществе: свобода воли или «сумма технологий»?

Интенсивное развитие нейронауки, в которой деятельность субъекта нередко редуцируется к активности нейронов, актуализировало дискуссии о свободе воли человека, о том, существует ли в информационном обществе возможность формирования ответственного и вместе с тем обладающего свободой воли субъекта. Остроту данной проблеме придают современные тенденции развития познания в условиях интенсивного развития информационных технологий, с помощью которых создаются новые виды реальности – дополненная, смешанная, виртуальная реальности. Познавательные способности человека дополнились компьютерными системами, с помощью которых осуществляются поиск, обработка, передача, хранение и использование информации и знаний. Распространенным стал информационный подход к трактовке субъекта познания, в соответствии с которым субъект понимается как совокупность инстанций по переработке информации, а процесс познания рассматривается как процесс поиска, отбора, получения, обработки и передачи информации [1].

В этих условиях приобретают актуальность следующие вопросы: не утратим ли мы в новой информационно-коммуникативной среде способность осознавать свои действия, отвечать за собственные мысли и поступки, способность аргументированно принимать решения, быть автономными и рефлексивными? Не превратится ли субъект в «сумму технологий» [7]? Ведь именно такая трактовка субъекта характерна для нейронауки. Но, быть может, именно она является последним словом науки и ставит точку в дискуссиях о свободе воли человека? Или же аргументы представителей нейронауки недостаточно обоснованы и представляют собой дисциплинарную редукцию проблемы субъекта? **Актуальность** критического анализа современных аргументов против существования свободы воли, распространенных в нейронауке, в контексте поставленных вопросов не вызывает сомнения. Обусловлена она еще и тем, что убежденность в «роботизированном», предустановленном характере личности, как показали исследования, оказывает негативное влияние на поведение субъекта, делая его более склонным к аморальному поведению [15], а также способствуя более терпимому отношению к преступникам [13].

Обратимся к данным нейронауки и когнитивных исследований и поставим **цель** – обосновать положение о том, что данные современной нейронауки и когнитивных исследований не противоречат положению о свободе